

Диспута. Художник Рафаэль Санти. Фрагмент. 1509.

УДК 32.001

Федоркин Н.С.

Методологический потенциал сравнительных исследований политических систем

Федоркин Николай Семёнович, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой политологии и социологии политических процессов социологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, заслуженный профессор МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: seneca-j@yandex.ru

В статье в историческом контексте рассматривается процесс становления современной политической науки (политологии) и ее субдисциплины – сравнительной политологии. Особое внимание уделяется выявлению методологического потенциала сравнительного анализа политических систем.

Ключевые слова: политическая теория, политическая наука, политическая система, роли, структуры, возможности и функции политической системы, политическая компаративистика, политические партии, группы интересов, формальные и неформальные институты, поведенческая революция, методы сравнительного анализа, рациональный выбор, неоинституционализм.

Мнение о том, что сравнительная политология «как научная дисциплина», несмотря на наличие своих классических тем, таких как политические системы, политические режимы, их смена, демократия, ее альтернативы и другие, все же «не является научной дисциплиной в строгом смысле слова со своей автономной предметной областью»¹, достаточно широко распространено в среде политологического сообщества. Такой, или примерно такой позиции в отношении политической компаративистики, как известно, придерживались и придерживаются многие представители этой отрасли политического знания. Хотя одновременно общепризнанным является факт, что важнейшие вехи в развитии мировой политической и социологической мысли непосредственно связаны с широким использованием ее представителями именно сравнительных исследований. Политическую философию Пла-

¹ См., напр.: Мэр П. Сравнительная политология: общие проблемы // Политическая наука: новые направления / Под ред. Р. Гудина и Х.-Д. Клингеманна. Научный ред. русского издания проф. Е.Б. Шестопал. М., 1999. С. 309.

тона, особенно Аристотеля, Н. Макиавелли, Ж. Бодена, Ш.-Л. Монтескье, А. де Токвиля, наконец, К. Маркса, Дж.С. Милля, Г. Спенсера, М. Вебера, В. Парето и многих других выдающихся мыслителей прошлого и настоящего, в том числе и труды выдающихся основателей социологии, невозможно представить без этого важнейшего содержательного и одновременно методологического компонента их теоретических концепций. По утверждению авторов введения к классической работе Г. Алмонда и его коллег «Сравнительная политология сегодня», последняя остается одной «из главных и лидирующих отраслей современной политической науки»¹. И это действительно так, поскольку человек существо мыслящее и, следовательно, по определению, не может *мыслить не сравнивая*. «Жить в политике», в политически организованных обществах – значит мыслить в сравнениях. Поэтому в широком смысле любое социально-политическое исследование в той или иной степени можно отнести к сравнительным исследованиям.

Однако превращение сравнительной политологии в одну из лидирующих отраслей современной политической науки имеет не только свою предисторию, но и вполне определенную историю ее становления в качестве самостоятельной субдисциплины. Процесс ее становления охватил почти все XX столетие и был тесно связан с глубинными кризисными явлениями, происходившими в политическом знании, переживавшего на рубеже веков теоретико-методологический кризис². Вершиной этих процессов стала, как известно, так называемая бихевиоралистская революция 50-х–60-х гг. прошлого столетия, постепенно вызревавшая в эпоху между двумя мировыми войнами.

Бихевиоралистская, или, как часто ее еще называют, поведенческая революция в политической науке явилась следствием целого комплекса тенденций и сложившихся обстоятельств.

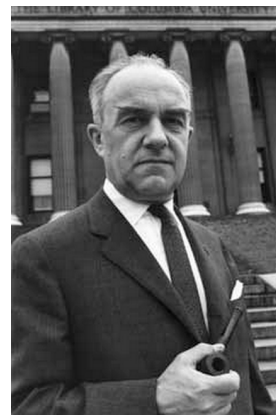
Во-первых, совершенно очевидно, что одной из ее причин послужила естественная эволюция самой политической науки. Реальная политическая практика первой половины XX в. шла в разрез с описательным, преимущественно философско-политическим, характером формально-правового подхода в понимании предмета политического знания. Собственно само понятие *политическая наука* (или политология) в западной традиции берет начало именно с бихевиоралистской революции, которому противостояло понятие «политической философии», как более «традиционной» формы размышления о политических феноменах в системе формально-правовых понятий. В целом этот подход в интерпретации политических реалий к концу XIX в. действительно требовал определенной коррекции.

Во-вторых, существенным стимулом к развитию политической науки в ее новом видении явились очевидные успехи в области познания, которые были особенно заметны в психологии и экономике, где широко применялись более строгие методы сбора и анализа данных. Это способствовало повороту и политической науки к использованию в своих исследованиях строгих методов сбора и анализа политической информации, а сама проблема методов познания политических феноменов, в отличие от «традиционной политологии», на этом этапе стала восприниматься в качестве важнейшей. Как следствие этого видоизменялось и содержание самого понятия теории. По словам одного из идеологов поведенческой революции Д. Истона, бихевиоралистская теория, в отличие от предшествующего этапа с его ориентацией по преимуществу на политическую философию как форму нормативного знания, была ориентирована теперь «на эмпирическое применение и видела свою задачу в том, чтобы помочь нам объяснять, понимать, и даже, насколько это возможно, предсказывать политическое поведение людей и функционирование политических институтов»³.

¹ См.: Алмонд Г., Пауэлл Дж., Стром К., Далтон Р. Сравнительная политология сегодня. Мировой обзор. М., 2002/ С. 7. Напомним, что, по данным Международной ассоциации политической науки, почти четверть этого всемирного объединения политологов специализируется именно в области сравнительной политологии.

² В соответствии с пониманием предмета политологии, сложившегося в период ее институализации в США во второй половине XIX в., среди политологов на рубеже веков господствовало представление практически о полном соответствии процесса функционирования политической системы конституционно-правовым нормам. Открытия В. Вильсона, А. Бентли, позднее представителей Чикагской школы политологии (Ч. Мерриам, Г. Госнелл, Г. Лассвелл и др.), значительно видоизменили представление о процессе принятия политических решений, раскрыли роль и влияние на этот процесс многообразных «форм неформального поведения и организаций», ввели понятия группового подхода в исследовании политического процесса. Д. Истон связывает эти открытия с появлением нового этапа в развитии современной политической науки – «традиционной политологии», предшествующей бихевиоралистскому этапу в ее развитии. Хотя в качестве недостатков этого периода Д. Истон отмечает у исследователей отсутствие интереса к созданию всеобъемлющих теорий, объясняющих закономерности политических процессов, к проблемам методов исследования, которые даже не рассматривались ими как отдельная проблема, тем не менее, по его мнению, в этот период исследовательская практика многих политологов подспудно «направлялась теоретическими соображениями». Фактически ими латентно проводилась мысль о том, что реальный политический процесс «формируется под воздействием со стороны многообразных социальных групп – политических партий, группировок внутри самой бюрократии, групп интересов, общественного мнения и т.п. Противодействуя друг другу, эти давления и создают параллелограмм сил, которые посредством торга, переговоров, адаптации, компромиссов и приспособления ... достигают точки равновесия между разно направленными силами, воздействующими на лиц, принимающих решения» (см.: Истон Д. Политическая наука в Соединенных Штатах: прошлое и настоящее // Современная сравнительная политология. Хрестоматия. М., 1997. С. 11, 12). В отличие от доминирующих в эту эпоху концепций кризиса и «заката» Запада, выраженных, к примеру, в работах О. Шпенглера, А. Тойнби, К. Ясперса и мн. др., представители «традиционной политологии» объективно создавали среду и почву для качественного прорыва в исследовании политического знания, мотивировали поиск путей к созданию «оптимистических» политических теорий.

³ Истон Д. Указ. соч. С. 14. В предмет статьи не входит детальный анализ программы и основных проблем поведенческой революции, как и основных этапов в развитии современной политической науки (политологии). Напомним об этом лишь настолько, насколько это имеет отношение к содержанию рассматриваемой проблемы. Помимо Д. Истона к основателям первоначальной бихевиоралистской программы можно отнести Г. Алмонда, К. Дойча, Д.Б. Трумэна и др. (подробнее об этом см., напр.: Алмонд Г.А. Политическая наука: история дисциплины // Политическая наука: новые направления... С. 69–112). Суть «символа веры» представителей этого направления можно было свести к нескольким основным фундаментальным требованиям, предъявляемым к политологам, как к исследователям политических феноменов. Это, во-первых, политолог должен систематически проводить исследования и накапливать базу эмпирических данных с целью создания определенного ядра знаний для развития политической теории и укрепления научной базы исследовательской работы. Во-вторых, он должен был не просто формировать базу эмпирических данных, а осуществлять целенаправленный отбор в соответствии тому, как это происходит в естественных

Основатели бихевиоралистской программы. Слева направо: Габриэль Алмонд (Gabriel A. Almond, 1911–2002), американский политолог, специалист в области общетеоретической и сравнительной политологии; Дэвид Истон (David Easton, род. 1917), один из ведущих американских политологов; Карл Вольфганг Дойч (Karl Wolfgang Deutsch, 1912–1992), немецкий социолог и политолог; Дэвид Трумэн (David Bicknell Truman, 1913–2003), американский политолог, академик

В-третьих, в контексте решения бихевиоралистской программы по созданию новой политической теории доминирующая роль отводилась структурно-функциональному и системному подходам в изучении политики. Теории политических систем Д. Истона и, особенно, структурно-функциональная теория политической системы Г. Алмонда, стали своеобразными концептуализирующими и объяснительными матрицами представлений и понятий новой школы политической науки, быстро утопавшей в возрастающей пирамиде накапливаемой базы данных эмпирических фактов и наблюдений.

Надо также иметь в виду еще одно обстоятельство. Процесс формирования «политической науки» проходил не только в условиях кризиса политической теории и деунификации понятийного аппарата среди политологического сообщества¹, но и в условиях глобальных трансформаций в мировом сообществе после второй мировой войны, изменивших политическую карту мира. Если в 1945 г. в мире существовало 68 независимых государств, то в ходе процессов деколонизации во второй половине XX в. к ним прибавилось еще почти 100 государств. А к концу века, с учетом процессов политических трансформаций после распада СССР, в мире уже было 185 независимых государств с присущими им не только некоторыми общими чертами, но и многими значимыми различиями, связанными с их географией, историей, институтами, культурами, религиями, экономиками и другими факторами, влияющими на характер политической жизни. И в первом, и в другом случаях, на наш взгляд, структурно-функциональная теория политических систем Г. Алмонда в широком смысле отвечала запросам своего времени с вполне определенной претензией на «научность» объяснения политических феноменов в глобальном аспекте.

С позиций структурного функционализма и системного подходов Г. Алмонд переосмысливает традиционную политическую теорию с ее уклоном исследования политики в институциональном, формально-юридическом аспекте. Разрабатывая свою методологию, он, так же как и Д. Истон, обратит внимание на новые явления в «политической инфраструктуре», которые в институциональном подходе практически оставались за рамками исследования – политические партии, группы интересов, лоббистские группировки, общественное мнение.

Далее. Послевоенная эпоха, породившая в ходе процессов деколонизации десятки новых государственных образований, находящихся на разных, порой, на до государственных стадиях развития, требовала универсализации понятийного аппарата в исследовании разнородных по своей природе политических феноменов не только в развитых и развивающихся странах, но и в различных по уровню своего развития каждой из этих групп стран. Считалось, что сложившееся в западной традиции понятие «государство», как универсальный политический институт с определенными исторически сформировавшимися признаками и центральный объект исследования традиционной политической теории, уже не может служить универсальным аналитическим инструментом исследования разнородных политических феноменов. Необходимо было создавать новую теорию и методологию, способную стать аналитическим инструментом объяснения политических процессов полити-

науках, скажем, в биологии или физике. По замыслу задача политолога в этом контексте состояла в том, чтобы в форме неких общих законов причинного или статистического характера, выразить наблюдаемые и регулярно совершаемые действия политических деятелей и политических институтов. В-третьих, описание собранных данных должно осуществляться с применением точных количественных и иных методов, эффективно используемых в психологии и политэкономии. В-четвертых, результаты исследований и их эффективность должны подтверждаться эмпирической проверкой политического поведения субъектов политики. Только эти операции могли служить основанием подтверждения объективности знания политических реалий и научности выдвигаемых теорий. Считалось, в-пятых, что достижение этих высоких научных стандартов возможно лишь при условии сохранения исследователем этической или идеологической «нейтральности». В этом вопросе представители этой школы ориентировались на положение позитивизма о том, что исследовательская деятельность может быть свободной или нейтральной в ценностном отношении. Словом, новой политической теории – «политической науке» – бихевиоралисты задавали самые высокие процедурные требования, вследствие чего, в ближайшей перспективе, как известно, им пришлось пережить глубокое разочарование в своих претензиях на научность политического знания в стандартах естественных наук.

¹ Не случайно, например, известный политолог и политический социолог Дж. Сартори считал важнейшей задачей «политической науки» концептуализацию и унификацию ее понятийного аппарата. С этой целью, как известно, при Питтсбургском университете в США им был создан специальный Комитет по концептуальному и терминологическому анализу. Надо признать, что проблема унификации понятийного аппарата, формирования строгого понятийного «языка науки», остается важнейшей методологической проблемой политической науки и в наши дни.

ческих систем любого типа и разного уровня их развития. Структурный функционализм был попыткой ответа на этот запрос времени, предложивший свою систему концептуализирующих политическую теорию понятий, по существу отказавшись от понятия «государства», которое в новом видении, как удачно заметил один из политологов, «было переведено в плоскость абстрактных ссылок на «политическую систему»¹.

Ключевыми понятиями структурно-функционалистской теории политических систем Г. Алмонда стали: вместо понятия государства – *политическая система*, деятельность индивидов, относящаяся к участию в политическом процессе – *политическая роль*. Совокупность взаимосвязанных между собой *ролей* формируют *структуры* (институты) социальной и политической системы. К примеру, депутат, законодатель – это *политическая роль*. Совокупность взаимосвязанных между собой депутатов, как легитимных представителей народа – *структура* – представительный и законодательный орган власти, институт парламента, независимо от того как он называется в конкретной стране. Любую социальную систему, в том числе и политическую, Г. Алмонд определяет как «взаимозависимое взаимодействие» *ролей* и *структур*, выполняющих *функции* интеграции и адаптации внутри общества, вне его и между обществами посредством применения или угрозы применения легитимного насилия и жестких санкций в целях поддержания в ней сбалансированного, «равновесного» состояния. *Политическая система*, по Г. Алмонду, выступает инструментом поддержания порядка и сплоченности общества. Для ее поддержания в «равновесном», то есть, в стабильном состоянии, она должна обладать *возможностью* выполнения ряда предъявляемых к ней *функций*, выполняемых политическими и неполитическими *структурами*. Дефиниция *функция* в терминологии Г. Алмонда прямо или косвенно эквивалентна понятию *властных отношений*, складывающихся в социально-политической системе. *Интегрирующим* фактором процесса взаимодействия социальной среды с политической системой выступала – *политическая культура*, как одно из системообразующих понятий его политической теории. В одном из определений политической культуры он рассматривает ее как «политическую систему, усвоенную в сознании, в чувствах и оценках населения». Политическая культура представлялась, таким образом, как «разнообразные, но устойчиво повторяющиеся когнитивные, аффективные и оценочные ориентации относительно политической системы вообще, ее элементов «на входе» и «на выходе» и себя как политического актора»².

Сформировавшийся терминологический язык структурного функционализма предоставил исследователям возможность проводить анализ политических режимов слаборазвитых стран с примитивными политическими системами, общества, находящихся на догосударственных уровнях развития. Считалось, что этот язык может быть адекватным и в исследованиях политических режимов западных стран, функционирование которых демонстрировало вполне заметные и значимые для понимания политического процесса отклонения в механизме принятия политических решений от формальных полномочий соответствующих органов власти. Словом, новая методология политической теории претендовала дать «научную» картину реальных политических процессов различных типов политических систем, или, как ставил этот вопрос Д. Истон, она должна была ответить на вопрос, «каким образом политическим системам удается выживать как в стабильном, так и в меняющемся мире». Ответ на поставленные временем вопросы с небольшими различиями, как Д. Истон, так и Г. Алмонд считали «центральной проблемой политической теории»³.

Г. Алмонд ставил эту проблему еще более широко, в организационно-методическом аспекте создания «инфраструктуры» единого политологического сообщества. В обзоре деятельности Комитета по сравнительной политологии, основанного еще в 1954 г., он подчеркивал, например, что стратегия этого комитета состояла не только в изучении разных стран мира и разных политических систем, но и в том, чтобы убедить исследователей в их принадлежности к «общей для них науке, занимающейся одними и теми же теоретическими проблемами, предоставляя им одну и ту же методологию исследования»⁴.

В теории политических систем структурного функционализма выделялось, как известно, *три уровня* ее функционирования, описываемых в категориях *возможностей* и *функций самой системы*.

Первый уровень – *возможности системы* в целом. Это фактически возможная способность либо неспособность системы реализовывать цели политического курса, поддерживать ее стабильное, «равновесное», «эффективное» функционирование во взаимодействии с окружающими средами (внутренней и внешней). На этом уровне функционирования политической системы Г. Алмонд выделял *пять видов возможностей* системы.

Это, во-первых, *экстрактивная возможность*, возможность извлечения политической системой материальных и человеческих ресурсов из внутренней – общества – и международной среды для обеспечения реализации политического курса системы.

Во-вторых, это *регулятивная возможность* системы, как ее потенциальная способность осуществлять эффективный контроль поведения индивидов и социальных групп, регулированием процессами в обществе.

В-третьих, *распределительная возможность* – способность политической системы распределять между индивидами и группами, создавать и размещать материальные и нематериальные ценности в обществе – ресурсы, статусы, иные блага.

В-четвертых, возможность и способность политической системы эффективно *реагировать* на «требования» «окружающей среды», подачи «на выходе» адекватной политики.

В-пятых, *символические возможности* политической системы, ее способность демонстрировать доходчивые символы и лозунги, развивать *воспринимаемые* окружающей средой популярные взгляды и убеждения, создавать яркие политические мифы с целью поддержания легитимности политического режима.

¹ См.: Мэр П. Указ. соч. С. 313.

² См.: Алмонд Г. Гражданская культура, политические установки и демократии пяти наций // Антология мировой политической мысли в пяти томах. Зарубежная политическая мысль XX в. М., 1997. Т. II. С. 594, 597.

³ См.: Истон Д. Категории системного анализа политики // Антология мировой политической мысли. Зарубежная политическая мысль XX в. М., 1997. Т. II. С. 630.

⁴ Цит. по: Мэр П. Указ. соч. С. 312.

Второй уровень функционирования политической системы – конверсионный процесс – *функции преобразования* системы, отражение того, что происходит в самой политической системе в ходе преобразования «*требований*» и «*поддержки*» в системные «*выходы*». На этом уровне функционирования политической системы Г. Алмонд выделил шесть функций преобразования. Функцию *артикуляции интересов* или требований. Носителями этой функции в политической системе выступают индивиды и «группы интересов». Функцию *агрегирования* (объединения) интересов в конкретные программы действий. Ее реализуют по преимуществу политические партии как структуры социального представительства, разрабатывающие альтернативные концепции политики. Система, способная артикулировать интересы, по Г. Алмонду, способна их и агрегировать. Функцию преобразования конкретных программ действий политических партий «в авторитетные правила», «нормы» – *в политические курсы системы*. Эту функцию выполняют по преимуществу представительные и законодательные органы власти в соответствии с особенностями форм правления и конституционных полномочий «ветвей власти» конкретных политических систем. Функцию *реализации принятых решений* – норм, правил, политического курса. Эту функцию в основном реализуют исполнительные органы власти и управления, хотя в этом процессе частично могут участвовать законодательные и правовые институты. Функцию *контроля и арбитража* за реализацией принятых решений, исполнителями которой выступают институты судебного и конституционного надзора. Функцию *коммуникации*, обеспечивающей в процессе функционирования политической системы информационное взаимодействие между структурными элементами политической системы и окружающей средой¹. Она реализуется целенаправленной информационной, пропагандистской и мобилизационной деятельностью СМИ, других структур и организаций. По существу политическая коммуникация означает движение информации в обществе и внутри различных структур, образующих политическую систему.

Третий уровень функционирования политической системы – функции *поддержки и адаптации системы*. Первоначально он относил к ним функции *политической социализации* и *рекрутирования*, которые обеспечивают адаптацию общества к политической системе, к ее ценностям и «стандартам» поведения индивидов и социальных групп. Для поддержания стабильного, «равновесного» состояния и функционирования политической системы необходимо определенное соответствие между *возможностями* политической системы и уровнем «*требований*» и «*поддержки*» со стороны общества. Изменения в политической системе часто происходят вследствие того, что «*требования*» по многим обстоятельствам (т.н. «*дисфункциональные входы*») могут не соответствовать *возможностям* системы. Поэтому общество и политическая система через социальные и политические институты должны формировать у индивидов «дух участия», мотивировать активность, включенность, рациональность, влиять на процессы социализации и рекрутирования новых участников политического процесса, создавать условия, при которых «политическая культура и политическая структура» системы находятся «в согласии и соответствуют друг другу»². Этот тип политической культуры Г. Алмонд назовет типом *гражданской культуры* – политической культурой «лояльного участия». В реализации функций этого уровня функционирования политических систем особую роль Г. Алмонд отводил политическим элитам, точнее, – «правлящим элитам».

Таким образом, из структурно-функциональной теории политической систем Г. Алмонда следовало, что функции преобразования являются характеристиками политической системы любого типа, а роли, структуры, институты (законодательные органы, исполнители, бюрократия, «*решения* или *обстоятельства*, порождающие *решения*»), реализующие эти функции – в разных системах могут иметь свою специфику. Поэтому его теория политических систем, с одной стороны, выступала той самой претензией на ее «глобальность», теорию *политической науки*, позволявшей описывать, исследовать и объяснять механизм функционирования политических систем, выявлять «диагнозы» ее отдельных структурных элементов, осуществлять в целом «анатомический» анализ ее функционирования на основе «достоверных знаний и объективных выводов» без обращения к императивам нормативного либо идеологического характера. А с другой, – именно функциональная специфика ролей, структур, институтов и т.д. различных политических систем по существу превращала «матрицу» его политической системы в готовый аналитический инструмент сравнительного исследования политических систем в категориях *их системных возможностей, функций преобразования, функций поддержки и адаптации*, дополненных предложенной им *типологией политических систем*, в основу которой был положен уровень структурной дифференциации общества и тип политической культуры.

Г. Алмонд был одним из немногих основателей сформировавшейся в 50-е–70-е гг. прошлого века современной сравнительной политологии. Его можно отнести к тому масштабу исследователей, которых его современники называли «интеграторами науки», способных составить «из отдельных частей научного знания некую общую картину изучаемого предмета»³. Он был одним среди тех, кого сейчас принято относить к «классикам» современной политической науки⁴. Но во многом он был первым среди равных. В разработке политической

¹ Распределение функций по уровням функционирования политических систем и, соответственно, представление моделей политической системы рассматривается Г. Алмондом в двух вариантах: в работах 50-х–60-х гг. и позднее, в соавторских работах 60-х–70-х гг. прошлого века с Дж.Б. Пауэллом. В варианте системы Алмонда – Пауэлла в распределении функций по уровням сделана некоторая коррекция: – «уровень системы» – функции социализации, рекрутирования, коммуникации; «уровень процесса» – функции артикуляции интересов, агрегирование интересов, разработка политики (курса), осуществление курса и арбитраж; «уровень управления» – функции добывания, регулирования, распределения». Описание модели и типологии политических систем по Г. Алмонду и Дж.Б. Пауэллу подробнее см., напр.: Дегтярев А.А. Основы политической теории. М., 1998. Гл. VIII–IX.

² См.: Алмонд Г. Гражданская культура... С. 599.

³ См.: Гудин Р.И., Клингеманн Х.-Д. Политическая наука как дисциплина // Политическая наука: новые направления... С. 41, 46 и др.

⁴ Понятие политической системы и его разработка в рассматриваемую эпоху имело широкое распространение. В разработке системного подхода существуют и свои хрестоматийно известные предшественники, и систематизаторы этого подхода, и авторы конкретных завершенных моделей политической системы, и просто исследователи, использующие это понятие в качестве аналитического инструмента. В литературе отмечено около двадцати определений этого многомерного понятия.

теории (политической науки) он стремился придать ей содержательные характеристики *универсализма*, сформировать на этом принципе корпорацию единомышленников ученых-профессионалов, *среду «науки»*. Он был даже не столько «интегратором», сколько новатором в разработке теории политики и ее отдельных разделов, по существу им и введенных в проблемное поле современного политического знания. Лично им внесен существенный вклад в разработку общей теории политики, теории политической культуры, типологии политических систем. По этим проблемам и разделам политического знания у Г. Алмонда и его единомышленников есть крупные исследовательские труды и проекты, составившие классику эпохи становления современной политической науки¹. В личной длительной «научной жизни» он сохранил способность к восприятию новых явлений в политическом знании и критически осмысливать многоэтапность его сложного пути².

Особый вклад внесен им и в становление современной сравнительной политологии, масштаб и концептуальность которой с авторскими достижениями в конкретных проектах сравнительных исследований в эту эпоху ассоциировалась у современников с образом «золотого века» сравнительной политологии. В соответствии со сложившейся системой понятий структурного функционализма, Г. Алмонд и его коллеги «сознательно развивали терминологию, подходящую для глобальных сравнений, *даже если конкретный анализ был ограничен только лишь конкретным случаем, или несколькими случаями*» [курсив наш – Н.Ф.]³, в которых единицами сравнения выступала *страна-политическая система, страно-система*.

Разработанный Г. Алмондом макросоциальный подход в сравнительной политологии, как уже отмечалось выше, был следствием его политической теории, которая как бы рождала его в качестве готового аналитического инструмента политической компаративистики в системе базовых категорий теории политических систем. Макроединица в сравнительных исследованиях в этом подходе выступала не в качестве разновидности данных, а скорее в качестве *категории*, обладающей совокупностью ее внутренних характеристик – *структурами, их функциями, возможностями* самой макроединицы, *уровнями* ее функционирования в их взаимодействии внутри системы и с внутренней и внешней средами. Считалось, что знания сходств и различий между макросоциальными единицами позволит понимать, объяснять и интерпретировать разнообразные процессы и явления, проходящие в единицах сравнения, а также, насколько это возможно, как говорил Д. Истон, предсказывать политическое поведение людей и функционирование политических систем.

Но по своему замыслу внешне завершенная теория Г. Алмонда имела не только свои плюсы. Она была не лишена и некоторых недостатков. Особенности второй половины XX в. в контексте развития политической науки характеризовались необыкновенной быстротой проверок множества возникавших в то время политических идей и теорий реальной политической практикой сложного переходного времени⁴. Градус критицизма и научного поиска в среде политологического сообщества был действительно необыкновенно высоким. Поэтому не обошлось и без критики структурно-функционального и системного подходов, как в общетеоретическом аспекте, как некой «гранд-теории», так и в критическом осмыслении недостатков макросоциального подхода в сравнительной политологии. Можно сказать, что критика структурного функционализма и системного подходов в определенном смысле была направлена и против основных программных положений поведенческой революции с ее претензией создать *политическую науку* в более или менее строгих стандартах естественных наук, освобожденной от императивов нормативного либо идеологического характера. По существу эта критика открывала в истории современной политической науки новый, так называемый постбихевиоралистский этап в ее развитии⁵.

Структурный функционализм и системный подход критиковали за *статичность*, заложенную в самой модели политических систем, стремящейся к постоянному восстановлению «равновесия», стабильности, как условия ее эффективного функционирования. Многомерный и сложный механизм властвования — как *общество* формирует власть и *влияет* на процесс принятия политических решений и как *власть* «завоевывает» доверие общества и осуществляет процесс руководства, управления и влияния – в системе понятий структурного

¹ См.: Миронюк М.Г. Мир политической науки. В 2 кн. Кн. II. Персоналии / Под общ. ред. д.ф.н., проф. А.Ю. Мельвиля. М., 2005. С. 14.

² Хотя к «противоположным взглядам» представителей постбихевиоралистского «максимализма рационального выбора» и нового «институционализма» Г. Алмонд относился сдержанно. Выявив слабости и недостатки поведенческого подхода они, замечит мэр, «сумели выработать собственный арсенал мистификаций и доказали, что могут строить воздушные замки ничуть не хуже своих собратьев по ремеслу из числа бихевиористов». См: Алмонд Г. Политическая наука... С. 93.

³ Мэр П. Указ. соч. С. 314–315.

⁴ Многие из политологов и политических социологов США того времени создававшие свои теории часто оказывались на государственной службе и направлялись в качестве советников или экспертов в страны так называемого «третьего мира». Там они могли не только проверять свои теории, но собирать огромный эмпирический материал для будущих исследований, корректировки своих теоретических концепций. К примеру, можно назвать таких известных и крупных политологов, как С. Хантингтон, Л. Пай, У. Ростоу и мн. др.

⁵ Подробное содержание этого этапа в развитии политической науки – отдельная тема исследования, достаточно освещенная в профессиональной литературе. Тем не менее, в контексте рассматриваемой проблемы необходимо отметить, что основные положения бихевиоралистской программы так и не были реализованы. Выявилась трудность обходить ценностную «нейтральность» в политологических исследованиях. В классификации данных и, особенно, в выработке микро теорий исследователь объективно и неизбежно, сознательно или на уровне обыденного сознания ориентируется на определенные ценности идеологического, философского либо этического плана. В претензиях на высокие стандарты «научности» «политическая наука» не сумела зарегистрировать в поведении субъектов политики и, в целом, в функционировании политических систем, каких-либо долговременных закономерностей динамического либо статистического характера, за исключением, может быть, в исследованиях электорального поведения. И это обуславливалось не качеством теории, а самой природой индивидов, субъектов политики, обладающих «свободой воли», непредсказуемостью их индивидуальных поступков в «отношениях власти» и таким многомерным понятием в политике как «искусство возможного». В политике, как и в точных науках, трудно предсказать вероятность того или иного единичного события. Это понимали еще в античности. Поэтому в постбихевиоралистский период появится много школ и школок в понимании «различных историй» политической науки, ее предметной области, методов и методик исследования. Это найдет свое отражение и в развитии современной политической компаративистики, ее терминологии, методологии, проблемного поля.

функционализма был прописан в абстракциях «высокого уровня». Эта теория не в полной мере отвечала на вопросы конкретики социальных изменений, механизмов взаимодействия субъектов в политическом процессе, роли конфликтов и кризисов в механизме властвования. Критической оценке подвергалась и теория политической культуры Г. Алмонда за сведение ее в основном к совокупности психических состояний индивидов. О структурном функционализме складывалось мнение как о некой разновидности «циклической теории» развития, отражавшей в более или менее адекватной форме функционирование лишь политических систем развитых стран. Проблемный характер этой методологии проявился и в ходе формирования и проверки ранних «теорий модернизации» 50-х–60-х гг. XX в., которые создавались по лекалам развития стран Запада и Нового Света и представляли собой версию процесса вестернизации «мировой периферии»¹. Поэтому и макросоциальный подход в сравнительных исследованиях вызывал неудовлетворение, поскольку сама методология, на которой он вырос, ограничивала возможности глубокого анализа «технологии власти» конкретных случаев. Ее реальный механизм в действительности оказывался гораздо сложнее, чем он представлялся в понятиях теорий политических систем структурного функционализма и системного подхода.

Поворот к «новому институционализму» в 1980-е гг. означал «возвращение» государства и его институтов в политическую науку в качестве полноправного субъекта со своими особыми интересами в механизме властвования и определяющего фактора влияния на поведение индивидов и социальных групп в политическом процессе. Государство и его институты снова вводились в исследовательский контекст и в структуру политической системы². Структурно оно выступало самым широким, универсальным институтом политической системы, шире которого являлась только сама политическая система.

Правда, сам Г. Алмонд считал, и с этим мнением мы бы согласились, что в новом подходе не было особых концептуальных моментов, которые в латентном виде не присутствовали бы в его политической теории. В терминологическом языке его теории политических систем действительно нельзя не заметить сознательно видоизмененного языка теории государства. Поэтому акцент «нового институционализма» на исследование политических институтов вел скорее не к изменению концептуальных основ структурно-функционального подхода, хотя такая точка зрения существует, сколько к изменению масштаба сравнения. «Новшества относились не столько к развитию теории, сколько методологии», более глубокому исследованию механизма «технологии власти». Институты и государство становились «объектом изучения не только потому, что они важны сами по себе, но также и потому, что более низкий уровень абстракции» делал «возможным их более основательный анализ», недостижимый «на уровне глобальных, всеохватывающих сравнений»³. Как заметит Д.И. Аптер, ничто не обнажало «недостатки сверхобобщенных сравнительных теорий так, как добротное моноисследование, так называемое **case study**: оно рассматривает взаимосвязи подсистем, выявляет новые связи и переменные политических процессов, которые могут остаться незамеченными при проведении исследований национально-го правительства или местных властей»⁴.

Таким образом, если быть кратким, к концу прошлого века в ходе острых дискуссий по всем принципиальным вопросам политического знания происходят существенные трансформации в процессах и в направлениях развития политической науки. Значительно «смягчается» уровень стандартов в понимании «научности» политической науки, переосмысливается отношение к требованиям «нейтральности» политологов в исследованиях политических феноменов, в методологии исследований заметно усиливается отход от идей универсализма в сторону плюрализма, рассматриваемого скорее основой, чем препятствием «на пути развития политической науки». Принцип «никому не дано исключительного права на истину, даны только факты и ничего более» на этом этапе развития политического знания становится почти символом веры нового поколения политологов. Следствием этих процессов явилось более углубленное исследование социальных механизмов власти и влияния в функционировании политических систем различных типов, случаев, наполнение абстрактных понятий терминологического аппарата структурно-функционального и системного подходов конкретным содержанием реальных политических процессов – от электорального поведения и политического развития до политических режимов и социального управления.

В рамках структурно-функционального и системного подходов в этот период сложились условия для создания *общей теории политики* с относительно строгой системой понятийного аппарата и принципов, отвечающих особенностям этого вида знания, закономерности которого носят *вероятностный характер* и имеют «относительно короткий период действия»⁵. Структура и содержание ее вполне вписываются в границы механизма «технологии власти», «анатомии политической системы». Ядром этой теории, политической науки, можно сказать, в узком смысле этого понятия, с одной стороны, выступает политическая социология, а с другой – политическая теория, то есть традиционная политическая философия⁶. В некотором роде эту теорию можно представить неким модернизированным эквивалентом искомой идеологией поведенческой революции универсальной научной политической теории.

Поворот в развитии политической науки от универсализма к плюрализму придал и сравнительным исследованиям определенную направленность. Известно, что в сравнительных исследованиях политических систем

¹ См., напр.: Модернизация и национальная культура. Материалы теоретического семинара. Международный Фонд социально-экономических и политологических исследований (Горбачев-Фонд). М., 1995.

² В ходе критики структурного функционализма и системного подхода формировались новые концептуальные представления о макрополитической организации общества. Среди них можно выделить концепцию «структуризации» А. Гидденса, «социального и политического поля» П. Бурдьё, «нового институционализма» Д. Марча, Д. Олсена, Т. Скокпол и др. См.: Дегтярев А.А. Основы политической теории. М., 1998; Миронюк М.Г. Указ. соч.

³ См.: Мэр П. Указ. соч. С. 315.

⁴ См.: Аптер Д.И. Сравнительная политология: вчера и сегодня / Политическая наука: новые направления... С. 378, 363.

⁵ См.: Алмонд Г. Политическая наука... С. 71.

⁶ Проблема предметной области, как самой политологии, так и смежных с ней дисциплин политологического цикла до настоящего времени является дискуссионной.

приоритет отдается *качественной традиции*, поскольку здесь область применения *количественных методов* крайне ограничена. Сравнение политических систем и их динамических характеристик строится на основе анализа политических институтов системы. При сравнении политических систем в качестве объектов берутся страны, политические институты внутри страны и отдельные случаи. Поэтому сравнительные исследования политических систем в зависимости от той или иной стратегии исследования могут носить многоуровневый характер, как на макросоциальном, то есть на уровне целых систем, так и на внутрисистемном уровне. Знание сходств и различий позволяет исследователю понимать, объяснять и интерпретировать динамические характеристики политической системы с соответствующими обобщениями, ориентированных на стратегические цели исследования. Что касается прогностической способности сравнительных исследований политических систем, и в целом сравнительной политологии, то, говоря словами Д. Аптера, «она окажется не лучше и не хуже любой другой области политической науки или социальных наук в целом»¹. И это ни в коем случае не является умалением эвристических возможностей сравнительного анализа политических систем. В этой мысли известного политолога и социолога заложены, по меньшей мере, два момента. Во-первых, отражение объективных возможностей политической науки в свете предъявления к ней высочайших процедурных стандартов научности. И, во-вторых, отражение профессиональных возможностей исследователя применения совокупности процедур, методов и методик в реализации выбранной стратегии сравнительного анализа политических систем.

Дэвид Анмер (David E. Apter, 1924–2010)

ЛИТЕРАТУРА

1. Алмонд Г. Политическая наука: история дисциплины // Политическая наука: новые направления / Под ред. Р. Гудина и Х.-Д. Клингеманна. Научный редактор русского издания проф. Е.Б. Шестопал. М., 1999. Almond G. (1999). Politicheskaya nauka: istoriya distsipliny. In: Politicheskaya nauka: novye napravleniya. Pod red. R. Gudina i Kh.-D. Klingemanna. Nauchnyi redaktor russkogo izdaniya prof. E.B. Shestopal. Moskva, 1999.
2. Алмонд Г., Пауэлл Дж., Стром К., Далтон Р. Сравнительная политология сегодня. Мировой обзор. М., 2002. Almond G., Pauell Dzh., Strom K., Dalton R. (2002). Sravnitel'naya politologiya segodnya. Mirovoi obzor. Moskva.
3. Аптер Д. Сравнительная политология: вчера и сегодня // Политическая наука: новые направления / Под ред. Р. Гудина и Х.-Д. Клингеманна. М., 1999. Apter D. (1999). Sravnitel'naya politologiya: vchera i segodnya. In: Politicheskaya nauka: novye napravleniya. Pod redaktsiei R. Gudina i Kh.-D. Klingemanna. Moskva, 1999.
4. Гудин Р.И., Клингеманн Х.-Д. Политическая наука как дисциплина // Политическая наука: новые направления / Под ред. Р. Гудина и Х.-Д. Клингеманна. М., 1999. Gudin R.I., Klingemann Kh.-D. Politicheskaya nauka kak distsiplina. In: Politicheskaya nauka: novye napravleniya. Pod red. R. Gudina i Kh.-D. Klingemanna. Moskva, 1999.
5. Дегтярев А.А. Основы политической теории. М., 1998. Degtyarev A.A. (1998). Osnovy politicheskoi teorii. Moskva.
6. Истон Д. Политическая наука в Соединенных Штатах: прошлое и настоящее // Современная сравнительная политология. Хрестоматия. М., 1997. Iston D. (1997). Politicheskaya nauka v Soedinennykh Shtatakh: proshloe i nastoyashchee. In: Sovremennaya sravnitel'naya politologiya. Khrestomatiya. Moskva, 1997.
7. Истон Д. Категории системного анализа политики // Антология мировой политической мысли в пяти томах. Зарубежная политическая мысль. XX в. Т. II. М., 1997. Iston D. (1997). Kategorii sistemnogo analiza politiki. In: Antologiya mirovoi politicheskoi mysli v pyati tomakh. Zarubezhnaya politicheskaya mysl'. KhKh v. T. II. Moskva, 1997.
8. Мангейм Дж.Б., Рич Р.К. Политология. Методы исследования / Перевод с английского. М., 1997. Mangeim Dzh.B., Rich R.K. (1997). Politologiya. Metody issledovaniya. Per. s angliiskogo. Moskva.
9. Миронюк М.Г. Мир политической науки. Учебник. В двух книгах Книга 11. Персоналии / Под общ. ред. д.ф.н., проф. А.Ю. Мельвиля. М., 2005. Mironyuk M.G. (2005). Mir politicheskoi nauki. Uchebnik. V 2 kn. Kn. 2. Personalii. Pod obshch. red. d.f.n., prof. A. Yu. Mel'vilya. Moskva, 2005.
10. Модернизация и национальная культура. Материалы теоретического семинара. Международный Фонд социально-экономических и политологических исследований (Горбачев-Фонд). М., 1995. Modernizatsiya i natsional'naya kul'tura. Materialy teoreticheskogo seminar. Mezhdunarodnyi Fond sotsial'no-ekonomicheskikh i politologicheskikh issledovaniy (Gorbachev-Fond). Moskva, 1995.
11. Мэр П. Сравнительная политология: общие проблемы // Политическая наука: новые направления / Под ред. Р. Гудина и Х.-Д. Клингеманна. М., 1999. Mer P. (1999). Sravnitel'naya politologiya: obshchie problemy. In: Politicheskaya nauka: novye napravleniya. Pod red. R. Gudina i Kh.-D. Klingemanna. Moskva, 1999.

¹ См.: Аптер Д.И. Политическая наука: новые направления / Под ред. Р. Гудина и Х.-Д. Клингеманна. М., 1999. С. 379.